Н. В. Сайнакова

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ШЁШКУПОВ / ШЁШКУМОВ ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ XX–XXI ВВ.¹

Данная статья посвящена исследованию вопроса о традиционных воззрениях и обрядах этнографической (диалектно-локальной) группы *шёшкупов/шёшкумов*. На основе анализа исследовательской литературы и полевого этнографического материала, собранного разными исследователями-селькуповедами, были выявлены факты о предназначении священных мест в окрестностях д. Иванкино. В данном исследовании удалось определить особенности религиозных верований среднеобских селькупов: они оставляли кузова с семейными лозами не только на чердаках, но и в труднопроходимой кочкарной согре, «подвешивали» духов на березе. Собранные сведения позволяют говорить о сохранении традиционных верований (представлений о домашних духах-помощниках, культовых местах) у местных жителей до конца XX в., о чем свидетельствуют материалы, записанные от информантов из д. Иванкино даже в XXI в.

Ключевые слова: *селькупы, обские шёшкумы/шёшкупы, шаманизм, культовые места, обряды, диалектные особенности, диалектно-локальный ареал, этнографическая группа.*

Цель данной статьи — ввести в научный оборот весь имеющийся материал о традиционных верованиях и обрядах этнографической (диалектно-локальной) группы шёшкупов р. Оби. Кроме того, собранную информацию предстоит проанализировать на предмет соотношения в их мировоззрении и культовой практике шаманских и дошаманских религиозных верований, а также сверить записи от информантов-селькупов о священных местах, практикующих шаманов и их атрибутах. Данный вопрос в научной литературе недостаточно освещен. На сегодняшний день нет ни одной публикации, посвященной теме традиционных религиозных верований шёшкупов.

Изучением шаманизма и других верований селькупов разных локальных групп занимались такие исследователи как Григоровский (1882: 45–49), Г. Н. Прокофьев (1930: 365–373), Е. Д. Прокофьева (1949: 159; 1961: 435–492; 1971: 21–23; 1981: 42–68), И. Н. Гемуев (1997: 36–45), О. А. Казакевич (1999: 141–142; 1999: 254–259), традиционную культуру и мировоззрение северных селькупов исследовала О. Б. Степанова (2008: 304; 2008: 218–225).

Большая часть работ была написана о шаманизме северных селькупов; у нарымских селькупов весьма объемный материал относительно духов, шаманов и шаманской атрибутики был собран на р. Тым (Ураев, 1994: 73–85; 2003: 120–132; Пихновская, 2001: 285–291). Кроме того, существует ряд обобщающих публикаций, в целом характеризующих селькупский шаманизм (Ким, 1997: 219; Тучкова, 2004: 380; 2011: 224–244).

Однако о вере в духов и шаманизме у селькупов д. Иванкино (и окрестных населённых пунктов в Приобье) имеется только небольшое количество достоверных упоминаний, тогда как более подробные сведения остались неопубликованными. Например, в 1888 г. в ходе экспедиции по территории Нарымского края венгерский исследователь К. Папай останавливался в юртах Иванкиных и в своих дневниковых записях дал краткую характеристику местным жителям и их верованиям. Он отметил, что «остяки-самоеды ведут оседлый образ жизни, занимаются охотничьим и — преимущественно — рыбным промыслом и находятся под сильным влиянием русского населения, тем не менее, хотя и в строгом секрете, но продолжают хранить древние традиции и религию» (Надь, 2012: 201).

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Правительства России № 14.Y26.31.0014 (Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур).

Важным источником о вере в духов и шаманизме шёшкупов на сегодняшний день является информация, собранная А. Ф. Плотниковым, где автор подтверждал существование языческих верований у жителей д. Иванкино (Плотников, 1901: 153).

Наиболее ценными являются материалы по шаманизму, собранные Г. И. Пелих и ее студентами в этнографической экспедиции 1961 г. у селькупов, проживавших в г. Колпашево, деревнях Киярово, Иготкино, Иванкино. Их информантами были: А. С. Иткупова, В. Г. Иткупова, М. И. Киярова, Т. А. Кайдалов, М. С. Сагандукова, Р. М. Тобольжин, Е. И. Иженбина (Пелих, 1961: тетради № 1, 5). Частично записи, собранные в этой поездке, были опубликованы Г. И. Пелих, где исследователь приводит данные, касающиеся самых различных сфер шаманского культа (Пелих, 1980: 5–70).

Известная в Колпашевском районе краевед Тамара Константиновна Кудряшова на основе записей от местных жителей, собранных ею в разное время, приводит сведения о последних куклах-лозах — в д. Иванкино, а также об Иванкинской церкви Живоначальной Троицы (Кудряшова, 2000: 186–205; 2001: 132–133).

Кроме того, о древних религиозных традициях и языческих верованиях иванкинских шёшкупов свидетельствует, прежде всего, наличие зафиксированного материала о **культовых местах**, важных для всех жителей данной местности. Они были выявлены исследователями еще в конце XIX — начале XX в. (Плотников, 1901: 153; Дульзон, 1956: 89–316; Яковлев, 1989: 35–53).

Самым известным культовым местом около Иванкиных юрт был «мыс Попаргесог». Там, по словам А. Ф. Плотникова, хранились «куклы»², и происходило их ритуальное сжигание (*по* — дерево, *парге* — болвань, *согь* — мыс) (Плотников, 1901: 153).

«Мыс «Попарге-сог» в старину был обвешан шелками, ситцами, пушшиной, серебряными и медными деньгами жертвователей, поступавшими в пользу лозов (духов). При хорошем улове зверя или рыбы жители произносили: *Номь мыгеть* (*Номь* — Бог, *мыгеть* — дал) и собирали часть самой лучшей добычи от каждого промышленника в кучу и сжигали ее. Обряд это назывался *пирь* — всесожжение. Этот лес в начале 1850–х гг., при подорвавшейся вере в лозов, инородцами вырублен» (Плотников, 1901: 153).

Н. А. Тучкова дает комментарий к описанию культового места близ Иванкиных юрт — Ппдргесог [*pl pdrge soq*] — «деревянного идола мыс». Через этого идола благодарили самого верховного Бога — Ному, отдавая ему часть добычи.

Кроме священного мыса Попаргесог, есть также лаконичные сведения о том, что священным (запретным) местом считался Согур — кочкарная пойма около Иванкино. «На Согур носили куколки, лоскутки и головы животных (угощали лесного духа). А лесной лоз смотрел: кто, сколько принёс, тому и зверей на охоте соответственно давал. Бросали на это место хлеб, лили вино, таким образом, кормили лесного духа, считали, что добудут много зверя» (Пелих, 1961: 24–25), т.е. лесного духа угощали, а он в свою очередь смотрел, кто какие подношения сделал и за это жертвователям давал зверей на охоте.

Для того, чтобы добыть много рыбы, иванкинцы бросали в реку хлеб, лили вино — кормили водяного духа.

Подтверждающей информацией о священности (запретности на посещения) иванкинского Согура является небольшой текст о вере селькупов в духов, записанный в 1980 г. А. А. Ким от Л. П. Иткуповой. От нее была зафиксирована информация о запрете ходить к Согуру из-за расположенных там кузовов с семейными духами: «...матери сказал отец: «Ты, Верка, к Согору не ходи, там духи. Какие духи? Ну, духи — кукольные шайтаны, из лоскут-

²Такие авторы, как А. Ф. Плотников, Г. И. Пелих, Н. А. Тучкова слово «кукла или куклы» не берут в кавычки, поэтому в статье слово «кукла или куклы» пишется в кавычках только в том случае, если это слово употребляет автор.

ков куклы. Верка не послушалась, через Согур пошла, заблудилась — шла, шла» (Кудряшова, 2000: 198, см.: текст «ЛЗла»).

В самом поселке Иванкино, по данным Г. И. Пелих, также было культовое место, где когда-то находился идол, которому местные жители поклонялись. В. Г. Иткупова (1880 г.р.) вспоминала о стоящем в Иванкино столбе-идоле, который был вырезан «навроде человека». Она говорила, что иванкинцы ему поклонялись, но места, где он находился, в самой деревне она не назвала (Пелих, 1961: 24–25, 30).

Т. К. Кудряшовой от односельчан-иванкинцев были собраны воспоминания о священном месте для жителей д. Иванкино — «шапка богатыря Соксара». Это священное место, по ее словам, находилось на острове, образованном рукавами протоки Пурьянги, впадающими в р. Обь, и в р. Кеть (Тучкова, 2002: 326).

Еще одно культовое место, по сообщению В. Г. Иткуповой, было на озере Пызак у Пиковки, где многие поколения окрестных жителей вешали «кукол» (Пелих, 1961: 24).

К березе жители д. Иванкино относились, как к священному дереву. По представлению селькупов других групп берёза считалось «деревом начала жизни». Береза также использовалась селькупам в качестве жертвенного дерева, по которому шли просьбы людей к Богу (Тучкова, 2004: 167). В окрестностях д. Иванкино, по воспоминаниям информантов, было такое место, где стояла жертвенная береза, на которую вешали кукол-лозов (Пелих, 1961: 4, 15).

Т.К. Кудряшова подтверждает, что в самой деревне, действительно, когда-то стояла береза, на которую вешали приклады духам. Помимо «главной» березы в самом поселке, были и другие священные березы, которые находились в отдаленных труднодоступных местах близ д. Иванкино. Выбирали и освящали их только мужчины (не мальчики и не старики). Одним из таких мест была береза «внутри Согура». Другая жертвенная береза с лозами находилась в «Базаркиной ливе» в глубине острова, который практически постоянно заливался весенним паводком. В 1980-е гг. Н. А. Тобольжин нашёл на этом месте жертвенную березу с остатками истлевших приношений (Кудряшова, 2000: 199).

С березой у иванкинцев были связаны некоторые поверья. Так, например Р. М. Тобольжин рассказывал, что при переезде в д. Иванкино он был предупрежден местными жителями, что в березняке нельзя было ломать веников, иначе станет плохо, так как березу было запрещено «шевелить», а тем более ломать (Пелих, 1961: 17).

Р. М. Тобольжин, родом из д. Иготкино, вспоминал, что «у иванкинцев было много лоз. Куклы были завернуты белой тканью — это ясной погоды Бог, а в ткань из чёрного сатина — неясной погоды» (Пелих, 1961: 19). По его словам, в д. Иготкино у местных жителей не было лозов, так как они были селькупам «немного с русской породой».

О куклах-духах и семейных собраниях «кукол» среднеобских селькупов также была собрана следующая информация. По данным Г. И. Пелих, еще в первые десятилетия XX в. почти каждая селькупская семья имела особые культовые предметы — деревянные антропоморфные изображения размером от 5 до 30 см, называемые обычно домашними или семейными «лозами» (Пелих, 1980: 57).

Информанты из селькупских деревень (юрт) Мумышево, Ласкино, Напас, Сондорово, Максимкин Яр и Иванкино на русском языке их называли «куклами», а также нередко «чертями». От их владельцев не требовалось обучаться шаманству. Наоборот, наличие таких духов считалось необходимым в любой семье простых охотников и рыболовов, если они «держали шаманскую веру». Лозы, по словам информантов, были «домашние» и «таёжные» (Пелих, 1980: 58–59).

По поверьям, собранным Г. И. Пелих, жизнь каждого человека была тесно связана с его «куклой». Человек получал «куклу» приблизительно в возрасте одного года. Только новорождённым детям «кукол» не полагалось. Знаком того, что для ребенка пора делать «куклу», считалось появление первых зубов. Большей частью подобные фигурки изготавливали шама-

ны, которых часто приглашали для проведения необходимых процедур. По словам информанта В. И. Шкарина, шаман делает куклу на каждого человека. «У него всё на учете, всё по родству. Скажем, — вот Шкарины, а вот Сычины» (Пелих, 1980: 59).

Г. И. Пелих предложила их следующую авторскую классификацию деревянных фигурок: 1) «кедол куллага» или просто «куллага»; 2) «лоз негга» или «лоз негла»; 3) «кава лозы»³; 4) «чорга» (Пелих, 1980: 5, 58).

Данную классификацию Г. И. Пелих производит по коллекции антропоморфных изображений старика Арнянгина из поселка Колгуяк (р. Обь; этот поселок далеко за пределами шёшкупской территории — вниз по Оби). Показывая предметы из культовой коллекции домашних фетишей селькупам из разных районов, она попыталась собрать разъяснения к ним. Первый вид духов-помощников, по классификации Г. И. Пелих, были деревянные антропоморфные фигурки размером от 5 до 30 см. Многим информантам эти «куклы» и места их хранения были известны, по записям Г. И. Пелих, еще с детства. На этот счет остались лишь общие рассказы о таких «куклах», в том числе и от информантов из д. Иванкино.

В д. Иванкино девушки своего лоза брали с собой в качестве приданого, когда выходили замуж. Либо ей специально делали лоза и давали его в приданое. Так, например, информантка Тобольжина вспоминала, что ее бабушке родители давали в приданое лоза, сделанного с изображением змея (Пелих, 1980: 60).

Семейные «куклы», т.е. куклы для каждого члена семьи, хранились обычно все вместе в берестяной коробке, которую прятали либо на чердаке дома, либо относили на культовое место. Таким культовым местом в д. Иванкино был Согур. Со слов Т. К. Кудряшовой известно, что коробки с духами могли хранить в определенных местах, в иванкинском Согуре, т.е. непосредственно в траве между кочками в пойме. Под разными кочками там хранились кузова с набором семейных кукол-духов разных семей иванкинцев. Однако точных данных нет: сколько именно семей хранило там свои собрания семейных духов. Также нет точных данных, почему кто-то хранил кузов с семейными духами на чердаке, а кто-то в Согуре. Кроме Согура, в д. Иванкино местом, где «многие поколения окрестных жителей вешали куклы», был остров Пызок у речки Пиковки.

Еще одной фигурой было железное антропоморфное изображение — охраняющие «семейные лозы», которых держали дома. Такая «кукла» изготавливалась для живых людей в разное время и по разным случаям. В основном, чтобы никто не «испортил» (сглазил, навел порчу). Занимались такими «куклами» только мужчины. Они их кормили, одевали, приносили им подарки. Такая кукла-охранник хранилась среди семейных лозов и передавалась по наследству, но только по мужской линии. Куклы «чорга», оставшиеся после смерти их хозяина, уносили в тайгу в священный амбарчик (Пелих, 1980: 67–69).

В д. Иванкино таким местом, где «многие поколения окрестных жителей вешали куклы», был остров Пызок у Пиковки.

Второй разновидностью домашних лозов, по классификации Г. И. Пелих, были мелкие зооморфные изображения, сделанные из железных пластин. Такие изображения хранились вместе с «куклами». Их клали на дно берестяного лукошка и закрывали тряпочкой, а сверху у стен лукошка осторожно устанавливали «кукол». В функции зооморфных изображений входило: 1) охранять деревянных кукол-духов, чтобы люди не брали их («Если возьмёшь куклу со змеем, то змей укусит тебя, и ты умрёшь»). 2) лечить (такими зооморфными фигурками пользовались при лечении болезней).

³«Кава лозы» — Г. И. Пелих зафиксировано несколько значений этого слова: «кава лоз» — «чёрт»; «кава лозы» — «идолы из дерева»; «кува лоз» — «дух моего духа» зародыши людей, животных, птиц, рыб и т. д. Ни один из этих переводов термина нельзя считать действительным, так как очевидно, «кава лоз», как говорят селькупы, «прозвище», а подлинное название информанты или забыли, или не хотели (боялись) произнести.

Как считает Г. И. Пелих, мелкие зооморфные фигурки, возможно, (или часть из них) были связаны с какими-то древними тотемистическими представлениями. Очевидно, что селькупы считали себя каким-то образом связанными с тем видом животного, изображение которого хранилось у них в семейном кузовке. Так, информантка из Иванкино М. И. Киярова вспоминала, что у ее родственников в качестве металлических пластинчатых духов были «какие-то пташки», которые достались ее деду от отца. Также можно предположить, что мелкие зооморфные фигурки сами были духами-помощниками кукол, находившихся в лукошке. Они «выполняли поручения» для духов-лозов — проникали в миры и среды, куда им, как зооморфным существам легче было проникнуть — в небеса, под воду или под землю.

Третья разновидность домашних лозов, которую отметила Г. И. Пелих — это крупные скульптурные изображения из дерева (фактически в рост невысокого человека). Такие изображения обычно в этнографической литературе называют идолами.

Лингвисты считают, что только к таким идолам применим селькупский термин *raval lozy* — волшебник, призрак (Быконя, 2005: 61).

Возможно, что каждый такой идол — это было изображение покойника, сделанное после смерти человека. «Кава лозы» делали из дерева, «вроде как памятники». Однако Г.И. Пелих собрала сведения об изготовлении идолов и при жизни человека: например, делали «шаманского «кава лоз» как большую деревянную «куклу», которую изготавливали для годовалого ребенка по его росту; но это делалось лишь в том случае, если имелась твёрдая уверенность, что данный ребенок должен стать шаманом. «Кава лоз» трактовался как дух-дьявол, «переселившийся» в тело будущего шамана. Таким образом, идол был деревянным вместилищем души шамана или вместилищем шаманского духа.

От информантки из ю. Иванкиных был записан рассказ об одном таком семейном фетише в виде большой «куклы»: «Мама рассказывала, что у одной бабушки попросили камешки, для того, чтобы потолочь черемшину. Бабушка отправила маму на вышку залезть. Предупредила, чтобы далеко не заходила. Там мама увидела лукошко большое, в котором были лозы. Над лукошком была подвешена кукла «навродо человека», в шубе» (Пелих, 1980: 64–65).

Четвертым типом фигурок были небольшие металлические антропоморфные изображения — куклы, охраняющие «семейных лозов», которых держали дома. Такая «кукла» изготавливалась для живых людей в разное время и по разным случаям. В основном, чтобы никто не «испортил» (сглазил, навел порчу). Занимались такими «куклами» только мужчины. Они их кормили, одевали, приносили им подарки. Такая кукла-охранник хранилась среди семейных лозов и передавалась по наследству, но только по мужской линии. Куклы «чорга», оставшиеся после смерти их хозяина, уносили в тайгу в священный амбарчик (Пелих, 1980: 67–69).

Таким образом, мы видим, что из предложенной Г. И. Пелих классификации культовых изображений, в Иванкино были выявлены все 4 вида духов-помощников.

Из вышесказанного можно предположить, что еще в начале XX в. в д. Иванкино практически в каждой семье был свой семейный набор антропоморфных деревянных фигурок духов («кукол»). Они были мужские и женские. В качестве оберегов и помощников для семейных духов изготавливали металлические мелкие зооморфные изображения, которые находились в лукошке с лозами. Кроме того, были лозы-охранники антропоморфного вида, изготовленные из металлических пластин.

Хранились духи все вместе в общей семейной берестяной коробке как дома (на «вышке» — чердаке), так и вне дома. В коробке деревянные антропоморфные фигурки — «семейные куклы» — размещались в вертикальном положении; внизу рядом с ними раскладывались металлические пластинчатые зооморфные фигурки. Деревянные «куклы» имели одежду, зооморфные фигурки были завернуты в лоскуты ткани.

Если девушка выходила замуж, то одну из «кукол» из семейной коробки давали ей в приданое. Считалось, что невеста приносила в семейную коллекцию духов своего мужа «свое» изображение (Пелих, 1980: 60).

Самыми известными культовыми местами для хранения кузовов с домашними «куклами» в Иванкино был Согур. В особых случаях «от сглаза или порчи» мужчины делали при жизни человека железное антропоморфное изображение, за которым могли ухаживать только они. Хранились такие мужские духи-помощники на острове Пызок у Пиковки. Редким является пример крупного скульптурного изображения из дерева. Есть лишь одно воспоминание о таком духе-помощнике от одной информантки из Иванкино, которая видела большую подвешенную «куклу» на чердаке старой бабушки.

Относительно того, как надо правильно **общаться с духами-помощниками**, у иванкинцев существовали свои поверья, которые были зафиксированы Г. И. Пелих в этнографической экспедиции 1961 г.

Селькупка В. Г. Иткупова рассказывала об обращении с лозами следующее: «Если заболели ноги, то нужно лозам купить или сшить чирки, если голова, то купить платок» (Пелих, 1961: 24).

Селькупы верили, что у них с их куклами-помощниками существует тесная связь, поэтому всячески старались их удовлетворять. Этих домашних духов надо было кормить, одевать, каждый год шить им новую одежду. Считалось, что по ночам лозы могли оживать, ходить по дому, есть и плясать. После смерти хозяина кукол-лозов относили в лес и вешали в кузове на березу.

Предположительно лозы отражали характер и даже внешний вид своего хозяина. Многие информанты говорили, что лозы вели себя подобно их хозяевам, поэтому куклы-лозы могли себя проявлять как «плохие» или «хорошие». О таком поведении кукол Г. И. Пелих была записана от информантов М. И. Кияровой и К. Кияровой следующая информация: лозы тётки Вассы могли агрессивно себя вести с другими людьми (прежде всего, с любопытными, которые заглядывают в чужие окна). В записях было сказано, что они могли плевать и издаваться над другими людьми и даже навести на них порчу, поэтому люди боялись ходить рядом с ее домом (Пелих, 1961. 11–12).

Обращает на себя внимание стремление селькупов придать «кукле» черты портретного сходства с кем-то из живых членов семьи. По воспоминаниям информантов, делали и представляли лозов в виде живых людей. Лозов, похожих на «чертей» (в православном понимании этого термина), не было. Одевали лозов в юбочки и штанишки, которые шили сами (Пелих, 1980: 61). Иногда лозов называли именами живых людей. Таким примером были женские и мужские имена лозов тети Вассы, которых звали Фанаса, Фелисата, Анна, Тимофей, Микита (Пелих, 1961: 11–12).

Самое главное в обращении с лозами, исходя из рассказов информантов, было соблюдение требования обращаться с ними, как с живыми людьми. Необходимо их называть по имени, кормить, менять каждый год одежду. Они, в свою очередь, оберегали хозяина от сглаза, порчи, защищали от лозов других людей, охраняли («плевались» и т.п.), приносили удачу на промысле и в других хозяйственных делах. По поверьям, кукла сопровождала человека на протяжении всей его жизни.

В. Р. Тобольжин рассказывал историю о семье, в которой сын отказался от кукол-помощников своего отца (Пелих, 1961: 10). Нельзя было отказываться, когда отец передавал лозов по наследству. Считалось, что если человек не принял предназначенных ему лозов, то он будет плохо жить. Ни в коем случае нельзя было наступать на лозов-охранников, оберегающих лукошко с лозами. М. И. Кияровой рассказывала, что она наступила на изображение «пташки», и ее «схватила колика» (Пелих, 1980: 63).

Уходя из семьи, необходимо было брать с собой своего лоза для своей защиты и помощи. Также нельзя было отказываться от передаваемых по наследству «кукол» (если на како-

го-то члена семьи ложилась обязанность заботиться обо всей совокупности духов) и уж тем более небрежно обращаться с ними.

Информация о лозах д. Иванкино во второй половине XX в. была зафиксирована Т. К. Кудряшовой. Уроженка д. Иванкино, она о языческих представлениях своих односельчан писала следующее: «Сегодня, наверное, остались лишь воспоминания о вере селькупов в духов. Жива ещё память и о последних лозах Иванкино». ... Летом 1983 г. ее односельчанин сжег на костре набирку с лозами. А были это, пожалуй, последние лозы в селе. Все замолчали сразу. И хотя никто ничего не сказал, но всем было не по себе. Всегда это трудно. Через 10 лет в ту семью пришла трагедия. Как это понять? Ведь всё равно лозов сжигают, когда уже ушли из жизни те, кого они охраняли. Забыли мы время, место и действие обряда» (Кудряшова, 2000: 198–200).

В полевых материалах автора статьи имеются записи селькупки Н. Н. Тузаковой, которая в 2016 г. рассказывала, что в 1960-х гг. в Тебенаке и Иванкино у старых бабушек еще оставались сундуки, в которых хранились необъяснимые для них (детей) вещи. О своей бабушке А. Я. Тайзаковой она рассказывала, как о человеке со способностями лечить людей, видеть сглаз, порчу. В ее сундуке она находила засохшую рыбу, завернутую в тряпку, платье желтого цвета, в котором она просила ее похоронить. Когда бабушке начинало «ломать кости», она выгоняла всех из дома, закрывала окна. Будучи ребенком, Н. Н. Тузакова забралась на дерево черемухи и наблюдала за бабушкой. Она увидела, как ее бабушка «общается с чертями». Разложив на табуретке кусочки хлеба, она шептала что-то и бросала нож, остриём в табуретку. Больше, к сожалению, ничего не видела (ПМА, 2016: 10–11).

По мнению Н. Н. Тузаковой, ее бабушка могла перевоплощаться в животное и наблюдать за ними (детьми). Так, например, после нарушения бабушкиных запретов купаться или ходить куда-то без взрослых, выяснялось, что бабушка узнавала всё в подробностях, будучи даже в другой деревне.

У бабушки была своя строгая система селькупских запретов. Она не разрешала надевать чужую одежду, особенно брать вещи от старых людей, считая, что они хотят передать свои болезни. Такие вещи она бросала в печку со словами «Откуда пришла, туда и ушла!». Считала, что нужно постоянно оберегать себя от сглаза. Делала специальные сетки (с узелками), которые заставляла носить на поясе (ПМА, 2016: 10–11).

Подробнее о традиции селькупов носить под одеждой на поясе отрезок сетяного полотна (*саип*) см.: Н. А. Тучкова (2013) (Тучкова, 2013: 188).

От информантов из д. Иванкино (и из близлежащих селькупских посёлков) исследователями не был зафиксирован материал о шаманских камланиях, не были выявлены имена практиковавших в прошлом шаманов, не осталось сведений об их атрибутике — «шаманских изображениях», надеваемых на шаманский костюм, а также сведений о шаманских бубнах, колотушках и т.п.

Г. И. Пелих на протяжении нескольких лет во время экспедиционных работ в различных районах расселения селькупов собрала объемный материал о фетишах селькупских шаманов и проявлениях шаманизма у селькупов (главным образом — у северных селькупов) (Пелих, 1980: 5–57).

Однако о существовании шаманизма в д. Иванкино достоверных сведений у данного автора нет. Об этом свидетельствует, по мнению Г. И. Пелих, лишь один рассказ о старой шаманке «тётке Васёне», записанный от информантки М. И. Кияровой из г. Колпашево. Г. И. Пелих отнесла рассказ к разделу о фетишах шамана, а конкретнее — о «найденных» атрибутах шамана. Она обращала внимание не только на факт передачи шаманских атрибутов по наследству, но и на случаи находок этих вещей обычным человеком, не принадлежащим к роду шамана. Находка фетиша объяснялась якобы желанием самой вещи иметь своим хозяином данного человека. Новый владелец фетишей, которые сами по себе обладали сверхъестественной силой, считался лишь их хранителем. В самом рассказе о старой шаман-

ке, у которой были такого рода «лозы» (куклы) и о существовании этой своеобразной традиции говорится следующее: «Потом она их на мыс увезла, в березняке поставила. Она лозы на мыс увезла, потому что последний год жила. Они ей говорят, когда умирать надо... Этих лозов передавать нельзя. Их надо в такое место поставить, чтобы чужой человек туда не приходил и не знал... Они каждому не даются. А кто их может одевать, кормить — они поют, говорят: “Возьми нас!” ... Их возмёшь — 12 суток будешь сидеть голодом. И ты, и они. Их брать будешь, надо язык прикусывать. (Потом) они научат, что говорить и что делать... Этих лозов передавать нельзя, а ставить нужно их к березняку, а не к осиннику. В осиннике они замрут» (Пелих, 1980: 19).

Из приведенного выше материала видно, что рассказ о «шаманке» использовался Г. И. Пелих, скорее всего, как подходящий пример на тему, как надо обращаться с фетишами. Но о ритуальных проявлениях шаманизма или о непосредственно шаманских камланиях этот пример не несёт никакой информации.

Итак, подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1) В окрестностях д. Иванкино насчитывалось несколько священных мест: мыс «По-паргесог», «шапка богатыря Соксара», священное (запретное) место Согур, культовое место на озере Пызок у Пиковки, жертвенная берёза с лозами в «Базаркиной ливе» в глубине острова. В самой деревне, по воспоминаниям местных жителей, также были культовые места — столб-идол, которому местные жители поклонялись, и жертвенная берёза, на которую вешали кукол-лозов. Отметим, что практически в каждом упомянутом священном месте была своя жертвенная берёза, на которую вешали различные приклады. Основными функциями священных мест были: хранение душ людей, появившихся на свет (или, наоборот, покинувших этот свет); обеспечение удачи на промысле; удовлетворение просьб о погоде. Для прошений о погоде изготавливались изображения духов — куклы, завернутые в белую и черную ткань.

2) Сама вера в духов и изготовление семейных кукол-оберегов типична для всех иных групп селькупов, и этим фактом шёшкупы сближаются с сюссыкумами и чумылькупы, где также известны сведения о лозах-духах, хранимых в кузове на чердаке дома. Однако у иванкинцев была отличительная особенность: они оставляли кузова с семейными лозами не только на чердаках, но и в труднопроходимой кочкарной согре — заболоченной речной пойме, прямо на земле под кочкой. Зато у иванкинцев не выявлено хранение кукол-лозов в амбарах на культовых местах. Также яркой отличительной особенностью было «подвешивание» духов на березе. О деталях этого «подвешивания» подробные сведения отсутствуют.

3) Специфичным на фоне традиций иных локальных групп селькупов является выбор иванкинцами священного дерева. Если основными священными деревьями для селькупов других групп считались сосна, лиственница, кедр, то у иванкинских шёшкупов главным священным деревом была береза. Другие селькупы также положительно относились к березе, считали, что «береза — светлое дерево», «дерево начала жизни» (так считали, например, чумылькупы), но только шёшкупы использовали березу именно в качестве жертвенного дерева, по которому шли просьбы людей к Богу. Помимо шёшкупов, в Нарымском Приобье береза в качестве жертвенного дерева отмечена только в бассейне р. Васюган у хантов. У всех других групп селькупов в Приобье в качестве основного жертвенного дерева выбиралась сосна (Тучкова, 2004: 167).

4) Имеющиеся сведения о религиозных верованиях жителей д. Иванкино позволяют говорить о сохранении традиционных воззрений в их духовной жизни вплоть до конца XX в., о чем свидетельствуют материалы, записанные здесь даже в XXI в.

5) Что касается шаманства, то его существование в данной местности в изучаемый период пока что не выявлено, так как нет данных ни о практикующих шаманах, ни о шаманских атрибутах. Следовательно, не приходится говорить о ритуальной практике шаманов в д. Иванкино в том развитом виде, в каком она выявлена и описана Г. И. Пелих у северной

группы селькупов. Вероятно, это явление исчезло в д. Иванкино прежде, чем его успели зафиксировать.

б) Не вызывает сомнений, что исчезновение шаманства связано с появлением и активным функционированием православного храма в Иванкино (собранные сведения о нём позволяют датировать период его существования: 1718–1804 гг.).

Жители инородческих юрт, входивших в этнолокальную группу шёшкупов, практически все были крещёнными. Однако, несмотря на длительное существование церкви в д. Иванкино и активную миссионерскую работу русской православной церкви, повлекшей за собой интенсивный процесс не только христианизации, но и русификации, местное коренное население сохраняло свои религиозные традиции и веру в духов-лозов вплоть до середины XX в. Христианство у них присутствовало формально или наблюдался религиозный синкретизм. Это выражалось в несопротивлении христианскому влиянию, а у некоторых — активном его восприятии. И одновременно, люди верили в силу духов-помощников и до второй половины XX в. хранили у себя кукол-лозов.

Список сокращений:

сельк. — селькупский

об. — диалекты обского ареала

ш. — обские говоры шёшкупов

Литература:

- Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П.** Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
- Гемуев И. Н., Пелих Г. И.** Категории селькупских шаманов // ЭО. М., 1997. № 5. С. 36–45.
- Григорьевский Н. П.** Очерки Нарымского края // Зап. ЗСОРО. 1882. Кн. 4. С. 45–49.
- Дульзон А. П.** Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89–316.
- Казакевич О. А.** Изобразительная лексика в шаманских текстах северных селькупов // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики. М., 1999. С. 141–142.
- Казакевич О. А.** Путешествие шамана (по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 254–259.
- Ким А. А.** Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1997. 219 с.
- Ким А. А., Кудряшова Т. К.** О традиционной пище нарымских селькупов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 186–190.
- Кудряшова Т. К., Кудряшова Д. А., Ким А. А.** Юрты Иванкины: взгляд в прошлое // Земля Колпашевская. Томск: Изд. Том. Ун-та, 2000. С. 186–205.
- Кудряшова Т. К.** Церковь Живоначальной Троицы (в с. Иванкино) // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 132–133.
- Надь З.** Карой Папай: венгерский исследователь на территории Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во «Ветер», 2012. Том XVII. С. 187–215.
- Пелих Г. И.** Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–86.
- Пелих Г. И.** Материалы по этнографии экспедиции 1961 г. по р. Оби, Колпашевского района // Архив МАЭС ТГУ. № 251. Тетради № 1–5.
- Пихновская А. А.** Культовый комплекс тымского шамана Елисея Карлыгина (из собраний Колпашевского краеведческого музея) // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 285–291.
- Плотников А. Ф.** Нарымский край (5 стан Томского уезда Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.
- Прокофьев Г. Н.** Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. Т. 2. Л., 1930. С. 365–373.
- Прокофьева Е. Д.** Мамонт по представлениям селькупов // Сб. МАЭ. Л., 1949. Т. 11. С. 159.
- Прокофьева Е. Д.** Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–492.

- Прокофьева Е. Д.** Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири XIX–XX в. Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 21–23.
- Прокофьева Е. Д.** Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX — начала XX вв.). Л., 1981. С. 42–68.
- Сайнакова Н. В.** Полевые материалы. Томск, 2012–2015. 77 с.
- Сайнакова Н. В.** Полевые материалы. Томск, 2016. 23 с.
- Сайнакова Н. В.** Обские шёшкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX–XX вв. Дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2017.
- Сайнакова Н. В.** Церковь Живоначальной Троицы в селькупских юртах Иванкиных как один из первых православных храмов в Нарымском крае // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 3 (5). С. 68–76.
- Степанова О. Б.** Традиционное мировоззрение селькупов: представление о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2008. 304 с.
- Степанова О. Б.** «Огненная» ипостась матери-прародительницы селькупов // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во «Ветер». 2008. С. 218–225.
- Тучкова Н. А.** Мифология селькупов. Томск, 2004. 380 с.
- Тучкова Н. А.** Традиционное мировоззрение // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: Изд-во ТПУ, 2011. С. 224–244.
- Тучкова Н. А.** Тюрские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов // Тюрки Сибири. Тобольск; Омск, 2002. С. 321–327.
- Ураев Р. А.** Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 г.) // Тр. ТГОИАМ. Томск, 1994. Т. 7. С. 73–85.
- Ураев Р. А.** Культовые объекты на р. Тым // Археолого-этнографические исследования в южнотаёжной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 120–132.
- Яковлев Я. А.** Культовые места XIX — нач. XX вв. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и культуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 35–53.

Сайнакова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук.

Старший научный сотрудник, лаборатория лингвистической антропологии.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, д. 36, г. Томск, Томская область, 634050.

Магистрант 1 курса.

Институт иностранных языков и международного сотрудничества

«Томский государственный педагогический университет».

Ул. Киевская, д. 60, г. Томск, Томская область, 634061.

E-mail: pushkareva0723@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 23 ноября 2021 г.

N.V. Saynakova

TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS AND RITES OF SHESHKUPS / SHESHKUMS ACCORDING TO THE DATA OF FIELD ETHNOGRAPHIC MATERIALS OF THE XX–XXI CENTURIES

This paper is devoted to the study of the issue about traditional views and rituals of the ethnographic (dialectal-local) group of Sheshkups / Sheshkums. Facts about the purpose of sacred places in the vicinity of the village Ivankino, based on the analysis of research literature and field ethnographic material collected by various researchers-selkupologists, were revealed. In this study, it was possible to determine the peculiarities of the religious beliefs of the Middle Ob Selkups: they left baskets with family figures of spirits-helpers not only in attics, but also in almost impassable hillock sogra, and “hung” spirits on birch trees. The collected information allows speaking about the preservation of traditional beliefs (ideas about domestic spirits-helpers, places of worship) among local residents until the end of the 20th century, as evidenced by materials recorded from informants of the village Ivankino even in the 21st century.

Keywords: *Selkups, Ob Sheshkums / Sheshkups, shamanism, places of worship, rituals, dialectal features, ethnographic group.*

References:

- Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P.** Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' [Selkup-Russian dialectal dictionary]. Tomsk: Izd-vo TSPU, 2005. 348 p.
- Gemuev I. N., Pelih G. I.** Kategorii sel'kupskih shamanov [Categories of Selkup shamans]. EO. M., 1997. № 5. Pp. 36–45.
- Grigorovskij N. P.** Ocherki Narymskogo kraja [Sketches of the Narym region]. Zap. ZSORGO. 1882. Kn. 4. Pp. 45–49.
- Dulzon A. P.** Arheologicheskie pamyatniki Tomskoj oblasti [Archaeological monuments of the Tomsk region]. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk, 1956. T. V. Pp. 89–316.
- Kazakevich O. A.** Izobrazitel'naya leksika v shamanskikh tekstah severnykh sel'kupov [Figurative vocabulary in shamanic texts of the Northern Selkups]. Aktual'nye problemy psikhologii, etnopsiholingvistiki i fonosemantiki [Actual problems of psychology, ethnopsycholinguistics and phonosemantics]. M., 1999. Pp. 141–142.
- Kazakevich O. A.** Puteshestvie shamana (po materialam shamanskikh legend i volshebnykh skazok severnykh sel'kupov) [The journey of the shaman (based on the materials of shamanic legends and fairy tales of the northern Selkups)]. Logicheskij analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira [Logical analysis of language. Languages of the dynamic world]. Dubna, 1999. Pp. 254–259.
- Kim A. A.** Ocherki po sel'kupskoj kul'tovoj leksike [Essays on the Selkup cult vocabulary]. Tomsk: Izd-vo nauchno-tehnicheskoy literatury, 1997. 219 p.
- Kim A. A., Kudryashova T. K.** O tradicionnoj pishche narymskikh sel'kupov [About traditional food of the Narym Selkups]. Sistema zhizneobespecheniya tradicionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti [Life support system of traditional societies in ancient and modern times]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998. Pp. 186–190.
- Kudryashova T. K., Kudryashova D. A., Kim A. A.** Yurty Ivankiny: vzglyad v proshloe [Yurty Ivankiny: a look into the past]. Zemlya Kolpashevskaya [Kolpashevskaya Land]. Tomsk: Izd. Tom. Un-ta, 2000. Pp. 186–205.
- Kudryashova T. K.** Cerkov' Zhivonachal'noj Troicy (v s. Ivankino) [Church of the Life-Giving Trinity (in the village of Ivankino)]. Mezhdisciplinarnoe izuchenie etnosov Sibiri [Interdisciplinary study of ethnic groups in Siberia]. Tomsk, 2001. Pp. 132–133.
- Nad' Z.** Karoj Papai: vengerskij issledovatel' na territorii Tomskoj oblasti [Karoj Papai: Hungarian researcher on the territory of the Tomsk region]. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk: Izd-vo «Veter», 2012. Volume XVII. Pp. 187–215.
- Pelih G. I.** Materialy po sel'kupskomu shamanstvu [Materials on the Selkup shamanism]. Etnografiya Severnoj Azii [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1980. Pp. 5–86.
- Pelih G. I.** Materialy po etnografii ekspedicii 1961 g. po r. Obi, Kolpashevskogo rajona [Materials on the ethnography of the expedition in 1961 along the river Ob of Kolpashevsky district]. Arhiv MAES TGU. № 251. Tetradi № 1–5.
- Pihnovskaya A. A.** Kul'tovyy kompleks tymnskogo shamana Eliseya Karlygina (iz sobranij Kolpashevskogo kraevedcheskogo muzeya) [The cult complex of the Tym shaman Elisey Karlygin (from the collections of the Kolpashevo Museum of Local Lore)]. Samodijcy [Samoyeds]. Tobol'sk; Omsk, 2001. Pp. 285–291.
- Plotnikov A. F.** Narymskij kraj (5 stan Tomskogo uezda Tomskoj gubernii) [Narym Territory (5th camp of the Tomsk district of the Tomsk province)]. Istoriko-statisticheskij ocherk [Historical and statistical sketch]. SPb., 1901. 366 p.
- Prokofev G. N.** Ceremoniya ozhivleniya bubna u ostyako-samoedov [Ceremony of reviving the tambourine among the Ostyak-Samoyeds]. Izv. LGU. T. 2. L., 1930. Pp. 365–373.
- Prokofeva E. D.** Mamont po predstavleniyam sel'kupov [Mammoth according to the Selkups]. Sb. MAE. L., 1949. T. 11. p. 159.
- Prokofeva E. D.** SHamanskije bubny [Shaman tambourines]. Istoriko-etnograficheskij atlas Sibiri [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. M.; L., 1961. Pp. 435–492.
- Prokofeva E. D.** Shamanskije kostyummy narodov Sibiri [Shamanic costumes of the peoples of Siberia]. Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri XIX–XX v [Religious ideas and rituals of the peoples of Siberia in the XIX–XX centuries]. Sb. MAE. L., 1971. T. 27. Pp. 21–23.
- Prokofeva E. D.** Materialy po shamanstvu sel'kupov [Materials on Selkup shamanism]. Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv.) [Problems of the history of social consciousness of Siberian aborigines (based on materials from the second half of the 19th — early 20th centuries)]. L., 1981. Pp. 42–68.

Sajnakova N. V. Polevyie materialy [Field materials]. Tomsk, 2012–2015. 77 p.

Sajnakova N. V. [Field materials]. Tomsk, 2016. 23 p.

Sajnakova N. V. Obskie shyoshkupy: rasselenie, formirovanie i etnicheskaya kul'tura v XIX—XX vv. [Sheshkups: settlement, formation and ethnic culture in the 19th–20th centuries.]. Dis. ... kand. istor. nauk. Tomsk, 2017.

Sajnakova N. V. Tserkov' Zhivonachal'noj Troicy v sel'kupskih yurtah Ivankinyh kak odin iz pervyh pravoslavnyh hramov v Narymskom krae [Church of the Life-Giving Trinity in the Selkup Yurty Ivankiny as one of the first Orthodox churches in the Narym Territory]. Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. 2014. Vyp. 3 (5). Pp. 68–76.

Stepanova O. B. Tradicionnoe mirovozzrenie sel'kupov: predstavlenie o krugovorote zhizni i dushe [The traditional worldview of the Selkups: the idea of the cycle of life and the soul]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2008. 304 p.

Stepanova O. B. «Ognennaya» ipostas' materi-praroditel'nicy sel'kupov ["Fiery" hypostasis of the mother-progenitor of the Selkups]. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk: Izd-vo «Veter». 2008. Pp. 218–225.

Tuchkova N. A. Mifologiya sel'kupov [Mythology of Selkups]. Tomsk, 2004. 380 p.

Tuchkova N. A. Tradicionnoe mirovozzrenie [Traditional worldview]. Sel'kupy: Ocherki tradicionnoj kul'tury i sel'kupskogo yazyka [Selkups: Essays on traditional culture and the Selkup language]. Tomsk: Izd-vo TPU, 2011. Pp. 224–244.

Tuchkova N. A. Tyurskie motivy i obrazy v fol'klore obskikh shyoshkupov [Turkic motives and images in the folklore of the Ob Sheshkups]. Tyurki Sibiri [Turks of Siberia]. Tobol'sk; Omsk, 2002. Pp. 321–327.

Uraev R. A. Materialy k shamanizmu tymskih sel'kupov (po dannym ekspedicii 1956 g.) [Materials on the shamanism of the Tym Selkups (according to the 1956 expedition)]. Tr. TGOIAM. Tomsk, 1994. T. 7. Pp. 73–85.

Uraev R. A. Kul'tovye ob'ekty na r. Tym [Cult objects on the river Tym]. Arheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotayozhnoj zone Zapadnoj Sibiri [Archaeological and ethnographic research in the south-taiga zone of Western Siberia]. Tomsk, 2003. Pp. 120–132.

Yakovlev Ya. A. Kul'tovye mesta XIX — nach. HKH vv. na territorii Tomskoj oblasti [Cult places of the XIX — early XX centuries on the territory of the Tomsk region]. Pamyatniki istorii, arheologii i kul'tury Sibiri [Monuments of history, archeology and culture of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 35–53.

Saynakova Natalia Viktorovna, candidate of historical sciences.

Senior research fellow, laboratory of linguistic anthropology.

National Research Tomsk State University.

36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634050.

Master student of the 1st year.

Institute of Foreign Languages and International Cooperation “Tomsk State Pedagogical University”.

60 Kievskaya st., Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: pushkareva0723@rambler.ru